

ЛАРИСА ПАВЛОВИЧ

ПОД ТЕНЬЮ
СТАРОГО
САДА

Лариса Павлович

Под тенью старого сада

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400009
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Писательница мечтает купить дом с большим садом, но на пути к её мечте встают призраки, воспоминания которых живут в этом саду... Пожилой кинорежиссёр влюбляется в молодую актрису, ради которой он отправляется в ад, откуда освобождает всю съёмочную группу... Обычная брежневская девятиэтажка отрывается от земли и летит в бездну... Перед вами – 25 фантастических рассказов с размышлениями о жизни и смерти, о добре и зле, о настоящем и будущем, о любви и гармонии, о поисках смысла жизни и смысла истории планеты, об аде и рае.

Содержание

ЛИВИОРАТА	4
ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЭД	26
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лариса Павлович ПОД ТЕНЬЮ СТАРОГО САДА

ЛИВИОРАТА

Однажды родившись, кино, я уверен, никогда не умрёт. Ещё учась в школе, я осознал, что хочу быть либо сценаристом, либо кинорежиссёром, либо писателем. Я хотел окунуться в этот блистающий тайный мир, полный правды и иллюзии, где можно погрузиться в прошлое или отправиться в будущее, словно на машине времени. Даже известную фразу о том, что история повторяется сначала как трагедия, потом как фарс, я бы переименовал, что она повторяется сначала как реальность, а потом как кино.

Судьбе было угодно, чтобы мои мечты осуществились, и в начале 60-х годов я стал начинающим, но быстро набирающим популярность режиссёром. С тех пор я наблюдал, как остальные виды искусства постепенно мельчают и вымирают: после 70-х годов наметился явный спад в музыке, а после нулевых она вообще стала непереносимой для моего музыкального слуха; исчезли также большие личности и в политике, и в области мышления и религии, и лишь кино всё

ещё держалось, хотя и там становилось всё меньше великих личностей, как среди актёров, так и среди режиссеров. Я уже думал, что и кино медленно сойдёт на нет, как вдруг в кадре моей жизни появилась она, Ливиората...

Даже её имя вызывало недоумение и вопросы: кто она такая, какой национальности и откуда она взялась? Действительно, она возникла как бы из ниоткуда, и ходили слухи, что она помесь человека и инопланетянина, созданная в лаборатории, что она ожившая древнеегипетская мумия царицы Нефертити, что она – воскрешённая стараниями генетиков сама праматерь мира Ева.

Разобраться в её корнях было невозможно, потому что девушка выросла в сиротском приюте, куда её подкинули незнакомцы. Но когда она выросла, то её красота поразила всех, и сразу же открыла ей дорогу в большое кино. Говорят также, что имя Ливиората было написано на медальоне, который висел у неё на шее, когда её нашли. Так или иначе, она свела с ума всех, в том числе и меня, пожилого режиссёра, своей умопомрачительной красотой. Она вся была создана словно по каким-то иным, не современным примитивным стандартам, а по канонам какой-то непостижимой, древней красоты, тонкой и изысканной, и в то же самое время что-то в ней было от каждой нации, в том числе и от американцев.

Когда я впервые увидел Лив (так сокращённо её называли близкие знакомые), то мне захотелось упасть к её ногам, словно она была сошедшей с небес богиней. Я потерял дар

речи и меня словно парализовало. Даже понимая, как ничтожно малы мои шансы, я влюбился в неё, словно мальчишка, и с тех пор её образ поселился в моём сердце и в моём профессиональном желании снять с её участием фильм. Иногда бывает так, что появляется какая-то роль, и под неё ищут подходящую актрису, но здесь всё было наоборот: появилась Ливиората, и все стали искать подходящую под неё роль. До меня она уже успела сняться в двух фильмах-сказках, где она играла королев и богинь, и я понимал, что такую натуру невозможно представить в роли обычной женщины, работающей где-нибудь по найму. И тогда я написал сценарий, где она была богиней гор, сначала решившей погубить альпинистов, а потом спасшей их и влюбившейся в одного очаровательного альпиниста. Снимать нужно было в горах, и как только Лив согласилась на эту роль, вся наша съёмочная группа выехала в непальские Гималаи.

Честно говоря, я никогда не был в горах, хотя мечтал увидеть их с детства. И вот, пропитанный любовным сиропом, от чего мои движения стали неловкими и замедленными, я стал собирать тёплые вещи и альпинистское снаряжение для съёмок в горах. Я сам не представлял, во что я ввязался, мой мозг плавился, успокаивало лишь то, что фильм с участием Ливиораты просто был обречён на успех, ведь она освещала собою экран. На роль красавца-альпиниста пришлось взять смазливую Эндрю, который был родом из Южной Америки и считался истинным мачо, крутым парнем, любимчиком

женщин. Женщины были от него без ума, но ходили слухи, что Эндрю скрытый гомик, потому что при всей своей красоте он сторонился женщин. За это, в принципе, я его и выбрал: я боялся, что Ливиората влюбится в красивого актёра, и что их любовь станет взаимной. А если Эндрю числился в гомиках, то на ответную любовь ей нечего было рассчитывать, и это меня успокаивало. Правда, я понимал, что и мне тоже не на что рассчитывать, ведь недавно мне перевалило за 60, но по крайней мере я мог жить и работать рядом с Лив, что само по себе было уже наполовину счастьем.

И вот наш гружёный аппаратурой автобус выехал из Катманду в сторону гор. Лив сначала села рядом с Эндрю, о чём-то оживлённо с ним беседуя, и я безумно ему завидовал, замечая в её жестах и выражении лица флирт. Но глядя на бесстрастное лицо Эндрю я успокоился, благодаря Господа за то, что он придумал гомиков. После ночёвки у подножья гор утром мы снова вернулись в автобус, и к моему полному счастью, Лив по своей собственной инициативе села со мной. От счастья я тут же растёкся по сидению, не в силах вымолвить ни слова, да и Лив молчала, разглядывая величественные горные пейзажи за окном. Очевидно, за предыдущий день она уяснила себе, что с Эндрю что-то не так, и поэтому пересела ко мне, но вчерашнего флирта в её движениях я уже не замечал. Что же, возраст никуда не спрячешь: я стар и совсем не красив, не то что жгучий мачо Эндрю! Поэтому мы ехали по большей части молча, лишь иногда перебра-

сываясь незначительными фразами. Лив не хотела со мной флиртовать, а я был не в силах, поскольку меня разбил любовный паралич. Не знаю, заметила ли это Лив, но я изо всех сил старался выглядеть нормальным и беспристрастным.

Наш путь пролегал мимо таких ужасных и обрывистых пропастей, что вся съёмочная группа вжималась в кресла и мысленно молилась Богу, чтобы автобус не сорвался вниз. Дороги в этих горах узкие и опасные, и каждый год какой-нибудь автобус или машина срываются вниз, и выживших почти не бывает. Стоит только водителю зазеваться, или если какой-нибудь поток размочит дорогу, как горы приносят в жертву направляющихся к ним путников. Часто также с гор сходят камнепады и лавины. Поэтому ехать по горной дороге – это всегда смертельный риск, вот поэтому и притихла вся наша съёмочная группа.

Лив даже заснула, положив голову ко мне на плечо, а я, не веря своему счастью, слушал её едва ощутимое дыхание, заглушаемое рёвом мотора. Я ощущал себя самым счастливым человеком на свете, и, наверное, я один не спал, когда наш автобус вдруг заглох и стал скатываться вниз. Всё произошло за какие-то доли секунды, и вот мы уже летим вниз! Я вдохнул в себя воздух поглубже, понимая, что вот-вот умру, и поцеловал в губы спящую Лив. Она даже не проснулась, чтобы осудить меня, и все, кто ехал в этом автобусе, умерли почти одновременно после сокрушительного удара автобуса о дно пропасти. Ещё миг назад мои губы ощущали гу-

бы Лив, и вот я уже лечу куда-то сквозь молочно-белое пространство, и нет уже никакого автобуса, ни гор, ни Лив, ни моей прошлой жизни.

Я очнулся в каком-то приятном месте, где было темно и тихо, лишь морской бриз шевелил высокие пальмы, принося с моря свежесть и прохладу. Сначала я не понимал, как здесь оказался, а потом вспомнил падающий вниз автобус и свой прощальный поцелуй с девушкой моей мечты. Как жаль, что сейчас она мертва, и как сказал поэт, не досталась никому, только гробу одному...

Впрочем, раз я оказался в раю, значит, никакой смерти нет, и возможно, она тоже жива и где-то рядом. Едва ощутив себя способным стоять на ногах, я тут же бросился на её поиски, успевая замечать лишь краешком глаза, как прекрасен рай в любое время дня и ночи. Здесь было множество цветов, живительный воздух, общество из прекрасных телом и духом людей и даже скатерть-самобранка, лежащая на любом столе, но всё это меня не радовало, поскольку рядом не было Лив. Я изучил всю местность вдоль и поперёк, заглянул в каждую пещеру и каждую складку местности, но не нашёл её нигде. Люди рая иногда узнавали меня и просили дать автограф, но они ничего не знали о Ливиорате, поскольку умерли до её появления в кино. Я с удовольствием рассказывал им, кто она такая, они лишь удивлённо качали головами.

Мой рай оказался приятным, но довольно непротяжённым местом. Так, клочок цветущей земли и тропического

леса возле океана, заполненный такими же добродетельными старикашками, как я. Со временем я смирился со своей участью и проводил целые дни, качаясь в кресле-качалке, наблюдая рассветы и закаты и смотря в искрящуюся даль моря. Я размышлял о том, где же сейчас может быть Ливиората. в другой части рая или же где-нибудь в аду? А может, она каким-то чудом выжила и продолжает сниматься в кино? Пощадила ли жизнь её красоту, или теперь она инвалид с искажённым телом и разбитым о землю лицом? Я проклинал себя за то, что придумал такой плохой фильм, который свёл в могилу всю нашу съёмочную группу, а вернее, разбросал её по мирозданию. Кто-то сейчас в раю, а кто-то в аду...

Внезапно мои размышления прервало чьё-то покашливание. Я оглянулся, и чуть не упал с кресла-качалки: возле меня стоял жгучий мачо Эндрю, но теперь он так разительно изменился! Его красивое лицо стало абсолютно чёрным, как у негроида, а волосы побелели и были совсем седыми. Его тело тоже почернело, от него шёл запах серы и ещё каких-то затхлых помещений типа тюрьмы, а на мощной шее был кожаный ошейник с номером. Боже, как же теперь он был отвратителен, жалок и ужасен! Но всё равно, я обрадовался нашей встрече, потому что она мне могла принести весть о Ливиорате. Эндрю, озираясь по сторонам, отозвал меня в кусты, чтобы нас никто не видел. Потом, то и дело кряхтя и покашливая, он рассказал мне, что после падения автобуса в попасть он и вся съёмочная группа попали в ад.

– Пока ты здесь прохлаждаешься, – сказал мне Эндрю, – мы, грешники, стоим в ручье кипятка, кто по пятки, кто по колено, а кто и по плечи! Всё это ужасно и мучительно, нас бьют охранники, а в ранах заводятся шевелящиеся черви. Но не это я хотел сказать тебе, старина: у нас в аду я видел Ливиорату, клянусь тебе Богом! Я тебя не обманываю! Всё мы стоим в этом проклятом ручье, не знаю, за какие уж грехи, а Лив прислуживает официанткой в чертовской столовой. Её никто не наказывает, но жизнь в аду, сам знаешь, не курорт. Её лицо тоже потемнело, не настолько сильно, как моё, и в её волосах я заметил седину. Но она всё ещё хороша, ослепительно хороша! По ночам я иногда встречаюсь с ней: охранники подкуплены и делают вид, что ничего не замечают. Мы встречаемся на каменистом поле возле ручья, и я понимаю, что она влюблена в меня. Она начинает светиться от счастья, как только я её обнимаю, но ты же знаешь, Нэд, я не люблю женщин! Все эти слухи обо мне были правдой: я гей. Если бы все мы, актёры, не оказались в аду, я бы давно признался ей в этом, но там, где нет света, где всё потеряно, мы, бывшие люди, стараемся держаться вместе и помогать друг другу. Понимаешь, я не могу оттолкнуть её в аду...

Узнав, что Лив сейчас в аду, я перебил Эндрю и попросил его показать мне туда дорогу. Но Эндрю сказал, что пройти туда праведнику невозможно. Есть только один способ: можно поменяться с кем-нибудь местами, выдав себя за грешника.

– Если ты согласен поменять рай на ад, то мы можем сделать вот что: я останусь здесь, а ты вернёшься на моё место. Тебе придётся принять мой облик и стоять каждый день по пятки в кипятке! Тебя будут мучить голодом и унижать охранники, ты не будешь видеть света, зато по ночам ты сможешь видеться с Лив! Мне-то она безразлична, зато, как я замелил ещё на земле, ты к ней неровно дышишь. Ну а дальше – как карта ляжет: ад не вечен, когда-нибудь вы выкарабкаетесь и, возможно, будете вместе. Короче, условие такое: ты получаешь мою молодость и красоту, а я получаю твой облик и место в раю. Думай быстрее, у нас мало времени: я отпросился у охранников всего на полчаса!

Меня не нужно было долго уговаривать, хотя я и сомневался, что Эндрю говорит правду: очень уж было странно, что Лив тоже в аду, как и все. Облик Эндрю был ужасен, меня просто трясло от его вида, но мне настолько хотелось увидеть Лив ещё раз, что я согласился на его предложение. Правда, я поставил одно условие: если он меня обманул, и в аду нет моей Лив, то наш контракт расторгается, и он снова вернётся в ад, а я перекочую в рай. Эндрю поклялся, и как только мы ударили по рукам, моя душа переместилась в его тело, а его душа поселилась в моём. На прощание мы обнялись и пожелали друг другу удачи. Эндрю показал мне тайный вход в пещеру, и я вошёл внутрь. Потом дверь за мной закрылась, и наступила полная темнота. Вдали мерцало красным какое-то отверстие, и я пошёл на этот свет, ста-

раясь не думать о том, что иду в ад и вот-вот буду стоять по щиколотку в ручье из кипятка.

Минут через десять я оказался в мрачной каменистой местности, подсвечиваемой светом пламени костров. Здоровенный чёрт-охранник помахал мне рукой, сказав:

– А, Эндрю! Ну как там в раю? Погулял со смазливymi райскими парнями? – Затем чёрт мерзко захихикал, а я улыбнулся ему, как старому знакомому, привыкая к мысли, что теперь меня будут считать м-м-м... геем. Ну да плевать, скажу, что сменил ориентацию! Как только я подошёл к нашему городку грешников, второй охранник взял меня за ошейник и грубо втолкнул в камеру, закрыв за мной дверь. При этом я подумал, что не успел спросить у Эндрю, чем он подкупает чертей: это бы пригодилось знать на будущее.

Наутро тот же охранник вывел меня из клетки и повёл на завтрак, который был так ужасен и омерзителен, что я не стану его описывать. После завтрака меня и других грешников повели к кипящему ручью, куда мне надлежало войти по щиколотку. Я думал, что сдержу крик, но не смог: я закричал душераздирающим, не своим голосом, и вместе со мною закричали все мои соседи по несчастью. Крик наш был ужасен, но через минут десять боль стала утихать, и мы уже не кричали, а стонали, глотая слёзы. Я уже было пожалел, что согласился на сделку с Эндрю и попал в ад, но постепенно мысли стали уносить меня к Ливиорате, и боль понемногу отошла на второй план.

Целый день при свете какого-то кроваво-красного солнца мы стояли в ручье, а когда светило стало клониться к закату, нам разрешили пойти поужинать. Ужин был не лучше завтрака, и день закончился тем, что меня снова втолкнули в клетку. По какому-то особому случаю чёрт-охранник ещё дал мне размашистого пинка, до такого сильного, что я ударился о стену головой. Искры посыпались из моих глаз, но как только боль утихла, я заметил, что случайно вышиб головой из стены небольшой камень, а за камнем оказался тайник. Просунув в него руку, я обнаружил целый склад анаши и усмехнулся, поняв, чем Эндрю подкупал охранников. Очевидно, поклонники приносили на могилу Эндрю травку, и эта травка какими-то неизвестными путями оказывалась здесь, в его тайнике. Я взял горсточку, а остальное оставил на потом, закрыв тайник камнем. Как только пришёл ночной охранник, он сам обратился ко мне за травкой, не надо было ему ничего объяснять. Получив желаемое, он вывел меня из камеры и в темноте повёл к выходу, сказав напоследок:

– У тебя есть два часа, Эндрю. Смотри, не опаздывай!

В знак одобрения я показал ему средний палец и отправился на пустошь за воротами городка грешников, освещённую лишь пламенем далёких костров. Было прохладнее, чем днём, и гораздо тише, лишь запахи мерзких испарений портили ночную картину. Я ждал около двадцати минут, прогуливаясь по каменной пустыне, лишённой растительности, как вдруг вдалеке показалась женская фигура. Моё сердце

сразу же забилося: сомнений не было, это была Лив, любовь всей моей жизни! Я побежал ей навстречу и крепко сжал в объятиях. Казалось, за этот миг можно стерпеть и муки в кипящем ручье, и жизнь в тесной клетке, и все муки ада!..

Потом я взглянул на неё, боясь того, что её красота померкла. Но хотя её лицо стало бледно-серым, глаза запали, а в чёрных волосах появилась седина, она всё ещё была прекрасна, и впервые после автобуса я ощутил на своих губах вкус её губ. Казалось, Лив была удивлена, ведь это она любила Эндрю, а он не был влюблён в неё. Моя горячая любовь удивила её, казалось, она пришла сюда не за этим.

– Постой, Эндрю, – сказала она, – ты ведь собирался на вылазку в рай, ну как, получилось?

Я кивнул головой и рассказал её свою версию случившегося: о том, что встретил там Нэда, то есть самого себя, и о том, что тот живёт хорошо и ни в чём не нуждается.

– Как я рада за него, – сказала Лив, – хоть он один из нас не попал в это пекло! – Ты передал ему мой привет? – спросила Лив, заглядывая мне в глаза. – Конечно, – ответил я, добавив вдруг: – Ты знаешь, дорогая, ведь он безумно любил тебя, и до сих пор любит! Он так раскаивается, что свёл нас всех в могилу!

– Он не виноват, – ответила мне Лив, задумавшись над словами, которые я ей сказал. Разумеется, я не мог сказать ей, что поменялся с Эндрю местами, и что это я обнимаю её, а не мачо Эндрю.

– Он был прекрасным человеком и отличным режиссёром, – сказала она, смотря на дальние костры. А я всё ещё не мог поверить, что я снова рядом с ней, и на этот раз она меня любит. Её слова обо мне прежнем растопили меня, и я не мог сказать больше ни слова. В эту ночь я был самым счастливым человеком в аду, а возможно, и во всей галактике! Каменистый ад с запахом серы перестал для меня существовать, и я провалился в любовь, словно в nirвану.

Как быстро пролетели эти два часа, и я шепнул Лив, что мне пора уходить. Последний поцелуй, и вот уже опять знакомые стены тюрьмы с их затхлым и тоскливым запахом. Когда я вернулся, даже чёрт посмотрел на меня странным взглядом, будто что-то почуяв. Я весь сиял, и казалось, глазами освещал путь в тоннеле и мрак внутри моей камеры. Я готов был целовать её стены и безумно был благодарен Эндрию, что он меня не обманул. Теперь я снова молод, красив, любим, полон сил, и огорчало лишь одно: мы с Лив всё ещё в аду, и завтра снова нужно стоять в проклятом кипящем ручье! С этой ночи я стал думать, как нам всем, то есть всей нашей съёмочной группе, сбежать отсюда. В том, что способ есть, я не сомневался: ведь нашёл же его Эндрию. Но ему было чем заманить меня в ад, я же не мог предложить что-то такое жителям рая. Поэтому мой ум стал искать другой надёжный способ.

Время в аду пролетало быстро по ночам, когда я был с Лив, и ползло очень медленно днём, когда приходилось сто-

ять, корчась от боли в кипящем ручье. Именно в нём и я нашёл всю нашу съёмочную группу: оператора, гримёра, мастера по свету и директора картины. Я всем передал привет от себя самого, и пока я это делал, в моей голове пронеслась одна любопытная идея. Дело в том, что у чертей почти отсутствовало искусство: кажется, в их столице был чертовский театр, но здесь, в глуши, не было никаких развлечений, кроме азартных игр, пьянок, драк и изредка травки.

Черти просто изнывали от скуки, и я вдруг подумал, что пора в нашем захолустье открыть киностудию. Если это будет по техническим причинам невозможно, то нужно открыть у нас хотя бы театр, благо хорошие актёры в нашем аду имеются. Целый день, стоя в кипятке, я думал об этом, рисуя в своём воображении различные фильмы и спектакли. Пока что мне был не понятен вкус чертей: что бы их могло заинтересовать? Может быть, грубые боевики, детективы, фильмы про любовь, шпионские фильмы, водевили, комедии или триллеры?

Порнуху я исключил сразу, так как никогда бы за это не взялся. Немного поразмыслив, я пришёл к выводу, что ужасами в аду никого не удивишь, про любовь они ничего не поймут, пожалуй, пошли бы боевики и комедии. До сих пор я как режиссёр не силен был в жанре комедии, но интуитивно почувствовал, что именно смеха в аду и не хватает. С тех пор, стоя в кипящем ручье, я придумывал различные комедийные сюжеты, под стать уровню интеллекта чертей, а по

ночам обсуждал их с Лив, между объятьями и горячими поцелуями. Ей понравилась моя идея, и ожидание её воплощения скрасило наши мрачные дни в аду.

Наконец, когда основные сюжеты были придуманы, я позвал к себе ночного охранника, давно подкупленного травкой, и попросил его свести меня с начальником тюрьмы. Чёрт, немного подумав, согласился, и договорился с начальством о встрече. И вот, в один из дней, сразу же после завтрака меня повели к шефу, которого до сей поры я никогда не видел. Шеф оказался упитанным лысеющим чёртом, на вид весьма добродушным. В его кабинете были кондиционеры, и я впервые за долгое время ощутил блаженную прохладу, словно опять попал в рай. Шеф выслушал моё предложение и неожиданно быстро согласился: было видно, что он умирает от скуки, высланный из столицы служить в нашу глухомань. Мои сценарии были просты и незатейливы, они описывали похождения некой Чёртовой Бабушки, которая была молода душой, искромётна и любила проводить время с молодыми чертями, изменяя недотёпе мужу, старому чёрту. Продиктовав сценарий шефу, я с замиранием сердца ждал его реакции: вдруг всё это не в его вкусе, и надо было завернуть что-нибудь эдакое шекспировское, или какой-нибудь боевик со взрывами и убийствами. Но шефу очень понравился сюжет про Чёртову Бабушку, и я видел, что его глаза загорелись. Он сразу же подписал приказ, по которому я и вся наша съёмочная группа освобождались от кипя-

чения в ручье и направлялись после улучшенного завтрака на репетицию. Лив тоже теперь репетировала вместе с нами, и вся наша группа была безумно счастлива, занявшись, как прежде, своим актёрским ремеслом.

Наш гримёр был полубогом, и под его руками наш осветитель очень скоро превратился в озорную Чёртову Бабушку с небольшими усами и с огоньком в чёрных глазах. Директор картины играл её старого придурковатого мужа, Лив изображала служанку бабуси, а я и все остальные играли роли бабкиных молодых любовников. И вот, наконец, состоялась премьера спектакля. Пьеса было примитивная, но смешная, и каждый раз весь зрительный зал чертей хохотал и стучал копытами, когда её смотрел. Они просили повторить ещё и ещё раз, и каждый раз их взрывной смех не утихал.

Даже сам шеф тюрьмы упал под стул в припадке хохота, а за ним повалились и остальные черти чином пониже, помахивая хвостом и похлопывая копытами от удовольствия. Окрылённые успехом, мы репетировали всё новые и новые пьесы, и вскоре слава о нашей труппе разнеслась по всему аду. Нас уже не воспринимали отдельно от наших персонажей: черти были недалеко разумом и начинали верить в то, что Чёртова Бабушка действительно существует в реальности. Нас теперь хорошо кормили, и я выбил разрешение у шефа жить с Лив в одной камере. Теперь нам не нужно было прятаться и скрываться, и вроде всё налаживалось. Но плана побега у меня всё ещё не было, и я не знал, как же вытащить

всю нашу талантливую труппу из ада.

Но однажды идея всё же пришла. Я приказал всем актёрам больше не убирать с лица грим и не снимать парики и костюмы никогда, даже ночью. Я также наказал всем не откликаться на собственные имена и звать друг друга так, как было в наших пьесах. Расчёт был на то, что постепенно черти начнут принимать вымышленные персонажи за реальные, а роли за реальность, и постепенно они позабудут, что все мы лишь переодетые грешники. Сказано – сделано: вся группа полностью вошла в роль и вела себя так, словно мы были постоянно на сцене. Черти до того привыкли к этому, что даже перестали запира́ть нас в клетках на ночь. Они привыкли, что мы ходим туда-сюда по тюрьме, развлекая охранников, а днём отсыпаемся.

Я помнил дорогу, по которой ко мне в рай пробрался Эндрю, и в одну прекрасную ночь вся наша группа вышла из тюрьмы якобы для того, чтобы прогуляться и подышать свежим воздухом. Обкуренный охранник не возражал, и, напоследок ущипнув Чёртову Бабушку за попку, выпустил нас на волю. Помахав ему рукой, мы все вшестером пошли по протоптанной Эндрю тропе. По внешнему периметру ада, как и полагалось, стояла другая охрана, но и та была весьма коррумпирована и снабжена мною травкой, запас которой благодаря земным поклонникам Эндрю никогда не кончался. Ещё один обкуренный охранник заулыбался, когда мы к нему подошли. Он постарался облапать Чёртову Бабушку, попутно

спросив всех нас, куда мы собрались в столь поздний час. Что можно было ему ответить?

– В гости к Чёртовому Дедушке, конечно! – ляпнул я, но поскольку нас уже давно не воспринимали как грешников, чёрт не был удивлён этим ответом и распахнул перед нами калитку. Лив зашла первой, за ней потянулись все остальные, а я шёл последним.

– До скорого! – крикнул я охраннику, исчезая в тёмном тоннеле. Мы шли молча, всё ускоряя шаг, потом, не стовариваясь, побежали. Через несколько минут тоннель закончился, и мы, смеясь и срывая с себя парики, выбрались наружу. Все вместе мы завалили огромным камнем вход в ад, а после прыгали, кричали и обнимались. Над нами снова была сияющая Луна и звёзды, от которых мы отвыкли в аду, наши тела обвевал морской бриз, а впереди ждала радость и свобода! Мы побежали к морю, чтобы искупаться и навсегда смыть с себя всю копоть ада, окунувшись в райскую свежесть и прохладу. Я обнимал и целовал Лив, стоя с ней уже не в кипящем адском ручье, а в прохладных и белопенных волнах океана.

И всё же, где-то глубоко в подсознании у меня появилась мысль, что теперь, в свете дня, я покажусь моей любимой Лив совсем чёрным и некрасивым, даже отталкивающим, как когда-то Эндрю показался мне таким. Над океаном уже вставал рассвет, и он должен был осветить всё моё убожество. Я знал, что в раю множество красивых молодых парней:

вдруг Лив теперь разлюбит меня и полюбит кого-то другого?...

Как это ни печально, но мои опасения подтвердились. Как только взошло солнце, Ливиората увидела, как я чёрен, сед и некрасив. Мы поселились в красивом месте на берегу моря, но я заметил, что Лив как будто стала избегать меня, заглядываясь на одного молодого и красивого актёра, который совсем недавно умер на земле и попал в рай. Это был не только голубоглазый и русоволосый красавец, но он играл роли таких положительных героев, что когда он умер, никто не хотел в это поверить. Его звали Пол, и его смерть была тяжёлой утратой для всей земли, ведь именно о таких, как он, говорят поэты: «Опустела без тебя земля!» В последнем фильме вместо него снимался его электронный дублёр, а реальный Пол уже бродил по привольным берегам рая. Однажды я заметил, как странно Лив смотрит на него, и понял, что могу её потерять. Она всё ещё не знала, что на самом деле в теле Эндрю живёт душа режиссёра Нэда, и если бы я ей об этом рассказал, она, может быть, и не поверила бы. Эндрю в теле Нэда мог бы подтвердить мои слова, но пока я был в аду, тот куда-то подевался. Говорили, что его выгнали из рая за однополую любовь, а может быть, просто пришло его время вернуться на землю.

Я бродил в одиночестве по берегу океана и не знал, что мне делать дальше. Лив всё больше отдалялась от меня, и, видя это, я был ещё несчастнее, чем в аду. И в один прекрас-

ный вечер, понимая, что скоро Лив уйдёт от меня, я решил уйти первым. Перед уходом я написал ей письмо, где рассказал всю правду: как, будучи известным кинорежиссёром, полюбил её, как написал для неё сценарий, как целовал её в тот страшный момент, когда наш автобус падал в пропасть, и как потом один из съёмочной группы попал в рай. Я написал ей о визите Эндрю и нашей с ним сделке, и о том, что променял рай на ад только ради неё. Всё остальное она знала сама. Дописав до конца, я расплакался от жалости к самому себе, а потом ушёл в самую чащу леса, где она не смогла бы меня найти. Я решил жить вдали от людей, развлекаясь написанием новых книг, театральных пьес и киносценариев. Я отпустил её к Полу, надеясь в глубине души, что однажды она всё же любит меня и однажды придёт сама.

Целый год я не общался ни с кем, боясь убедиться в том, что Лив счастлива вместе с Полом. Здесь, в раю, можно было уединиться на любое время, поскольку у каждого под рукой была скатерть-самобранка, и необходимости работать и общаться не было. Я хотел, чтобы меня никогда не нашли и не сообщили мне грустную весть о том, что они вместе. И в то же самое время я мечтал, чтобы она однажды нашла меня и сказала, как по мне соскучилась. За всё это время я ни разу не взглянул на себя в зеркало, поскольку был уверен, что моё омерзительное лицо совсем не изменилось. Но через год я случайно увидел своё отражение в лесном ручье, похожем на тот, который протекал в аду. После ада я терпеть не мог

ручьи и обходил их стороной, но в тот день я всё же наклонился над ним и застыл. Из воды на меня смотрело белое лицо, обрамлённое шапкой чёрных волос. Я снова был так же молод и прекрасен, как и при жизни на земле, и от этого открытия я засмеялся, расплёскивая вокруг воду. От счастья я прыгал в ручье и бросался в него, омываясь чистой кристальной водой. В тот день ко мне снова вернулась надежда и вера, и я понял, что сумею отбить Лив у Пола, чего бы это мне ни стоило.

Я бросился к нашему прежнему домику на берегу моря сквозь тропический лес, больше не боясь узнать правду и не сомневаясь ни на миг, что смогу добиться её любви. Как ни странно, Лив сидела у окна одна, и казалось, ждала, когда я вернусь. Она бросилась навстречу ко мне, и мы снова были вместе, как будто и не расставались. Я снова был самым счастливым человеком в мире, и больше у меня не оставалось желаний. Увидев её лицо, я заметил, что оно утратило свой адский серый цвет, а из её волос ушла седина. Лив сказала мне, что как только она прочла моё письмо, она сразу же отвернулась от Пола и ей стало стыдно перед собой за своё сиюминутное увлечение. В тот же день она бросилась искать меня, но нигде не могла найти. Кто-то пустил слух, что я вернулся в ад и снова набрал там труппу, кто-то говорил, что видел меня на земле. Но сердце говорило ей, что я всё ещё где-то рядом. Её не смутило бы ни моё почерневшее лицо, ни мои седые волосы. Узнав, через какие муки я для

неё прошёл, она поняла, как сильно я её любил, как никто и никогда в жизни, и поклялась, что будет ждать меня из ада или из рая.

Ну вот, собственно, и всё. Хочу добавить, что раз уж вся наша съёмочная группа оказалась в раю и без работы, мы всё-таки решили снять фильм о королеве гор и альпинисте. Здесь, в раю, было всё новейшее оборудование и масса киностудий. Я хотел было предложить роль альпиниста красавчику Полу, но тот отказался. У нас был недолгий мужской разговор, и Пол сказал, что альпиниста должен сыграть я. Ведь фильм как раз о том, что влюблённый едва не погиб ради королевы гор, но в конце концов добился её любви. Я пожал ему руку, и мы расстались.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЭД

Совсем недавно, со мной, известным артистом балета, произошла очень странная и даже фантастическая история, в которую трудно поверить нормальному человеку. Я был на пике своей карьеры, и мне давали исполнять все главные мужские роли в балетных спектаклях. Я был довольно знаменит и обладал роскошной квартирой в центре столицы, загородной виллой возле океана, имел приличный банковский счёт и тысячи поклонниц. Я купался в лучах славы и был вполне доволен своей судьбой.

В тот летний день я чувствовал необыкновенный прилив сил и душевный подъём, словно был не человеком, а молодым богом. Я представлял, как буду летать по сцене, предвкушая, что сегодняшнее выступление будет незабываемым и волшебным во всей моей карьере. С этой мыслью, захлопнув дверцу автомобиля, я стал подниматься по ступенькам, ведущим в театр, как вдруг у самого входа заметил странную, закутанную во всё чёрное женщину. Нижняя половина лица её лица была закрыта, и лишь её чёрные недобрые глаза, казалось, пожирали меня. В руках она держала букет странных чёрных тюльпанов, предназначенных, видимо, для меня, и я подумал, что она сейчас подойдёт, но женщина не двигалась с места. Войдя в просторный холл театра, я сразу же забыл о ней, потому что в моей душе царил праздник, а в крови

бурлило шампанское. Женщина, подумал я, могла стоять и не по мою душу, мало ли артистов в нашем театре.

И вот спектакль начался. По ходу действия я изображал супергероя, сражающегося за правое дело с жестокими и сильными врагами. Если сказать честно, то эта роль была как раз для меня, потому что я не только внешне играл героя, но и внутри себя мечтал о подвигах и славе. Правда, подвиги мои были только на сцене, зато слава была реальная. Слава, словно какой-то древний крылатый бог, сидела на моём плече, и мне тогда казалось, что так будет всегда. Если бы я не реализовал себя в театре, я бы смог сниматься в кино, играя супергероев. Все три акта я летал по сцене, как на крыльях, ощущая душевный подъём и приступы клокочущей сверхсилы. И как только спектакль закончился, зрители провожали меня бурными аплодисментами и овациями. Люди подходили к сцене и протягивали мне цветы, я не запоминал их лиц. И вдруг я заметил странную женщину в чёрном, которую видел накануне около театра. Она подошла, чтобы протянуть мне свои странные чёрные цветы. Теперь её лицо было открыто, и я мог его хорошенько разглядеть. Женщина улыбалась мне перекошенной улыбкой, полной насмешки и презрения, а её пылающие чёрные глаза бросали мне вызов. Я вздрогнул и хотел было не брать в руки её букет, но на меня смотрели люди, так что пришлось его взять. С таким лицом можно было дарить только отрезанную голову какого-нибудь моего друга, положив её на залитый кровью поднос. Зайдя за

кулисы, я сразу же выбросил чёрные тюльпаны в урну, и постарался забыть о неприятной женщине. Я хотел было зайти в свою гримёрку и переодеться, но внезапно мне захотелось в туалет по малой нужде.

В костюме супермена я зашёл в туалет и закрыл за собой дверь. Пока я справлял малую нужду, в коридоре раздались чьи-то шаги. Они приближались к двери туалета, а затем я услышал, как в замке несколько раз провернулся ключ. Я хотел было крикнуть, чтобы меня не закрывали, но шаги быстро удалились, и только тут я закончил своё маленькое дело и рванул к двери. Она действительно была заперта извне, и я стал кричать и стучать, чтобы меня открыли. Но в ответ была лишь странная тишина, словно я находился не в шумном театре, а на пустынном ночном кладбище. Я стучал и кричал, наверное, целый час, но всё было бесполезно. Потеряв надежду освободиться из туалета, я сел на унитаз и решил дожидаться утра. Сейчас, наверное, в театре уже никого нет, а утром придёт уборщица, мисс Хэмпсон, и освободит меня. Предстояло провести целую ночь в театре, и я подумал, что это даже не глупо, а очень романтично. Наш театр был старинным и поговаривали, что в нём живут несколько призраков знаменитых актёров оперы и балета. Правда, знакомиться с призраками, сидя в туалете, было не очень комично, но я смирился и стал ждать.

Сидя на унитазе, я думал о былом, как вдруг меня поразила странная мысль, что до этого дня туалет в театре ни-

когда не запирали. Кажется, там даже замка не было... Как всё это было странно и ужасно одновременно, и я понимал, что без колдовства той самой неприятной женщины тут не обошлось. Я снова вспоминал её презрительную и надменную улыбку, омерзительнее которой я не видел ничего в жизни, и обдумывал, кем же она могла быть и чем я ей не угодил. Может быть, это была отвергнутая поклонница? Или мать этой поклонницы, или её сестра? Я видел её впервые в жизни и не мог понять, в чём причина её ненависти ко мне. Проскучав несколько часов на унитазе, я, наконец, заснул. Во сне мне снилась эта чёрная ведьма, смеющаяся надо мной и бросающая мне вызов. Проснувшись, я определил по свету в маленьком окошке, что наступило утро. Немного размявшись, я стал ждать появления уборщицы. Она должна была появиться с минуты на минуту, и я решил пока умыться и привести себя в порядок.

Я прождал всё утро и весь день, но уборщица так и не пришла. За окном уже стало темно, а дверь всё ещё была закрыта. В театре было необычайно тихо, словно это был не театр, а пустыня Атакама. Весь день и вечер я колотил в дверь и кричал, но меня никто не слышал. И только в начале следующей ночи я стал догадываться, что заколдован и заперт силой волшебства в этом замкнутом пространстве с унитазом, зеркалом и умывальником, называемом туалет. Остался только один выход: сломать дверь, вышибить её как-нибудь. Всю ночь я пытался это сделать, но дверь была креп-

кая, старинная, из древесного массива. Я колотил в дверь ногами, руками, бросался на неё плечом, но дверь не поддавалась. Обессиленный, к утру я сел на унитаз и горько заплакал, не зная, что мне делать дальше. Я вдруг ощутил себя не сильным мужчиной, играющем супергероев, а маленьким беспомощным ребёнком, потерявшимся в злой реальности.

Я уже два дня ничего не ел и ослабел. Где-то я читал, что без еды, но с водою, человек может прожить около сорока дней. Значит, мне оставалось чуть более месяца. Я представлял, как родственники, сослуживцы и знакомые ищут меня. Возможно, в театре мне уже нашли замену, и на сцене вызов злым силам бросает уже другой супергерой...

Вызов! Мне вдруг показалось, что всё дело в нём. Последний спектакль назывался «Битва лампы и бури», и я играл горящую лампу, а весь балет – стремящуюся погасить меня бурю. Возможно, великолепно играя свою роль, я разлил какую-то мистическую бурю, и теперь вместо битвы мне остаётся сидеть взаперти, борясь уже не с грозными внешними силами, а с собственным страхом и одиночеством. Кто-то в вышине решил проучить меня, оставив наедине с унитазом вместо битвы с тьмой перед толпой зрителей и поклонников.

На третью ночь, сидя на унитазе и перебирая в уме свои грехи, я вдруг вспомнил, как в детстве украл одну маленькую вещь и положил её в карман. Я сел с этой вещью в метро, держа её в кармане, и мне казалось, что все вокруг знают о моём проступке и презирают меня. Хотелось опустить глаза

и провалиться сквозь землю. Вдруг, когда я поднял глаза, передо мной оказалась какая-то женщина. Она посмотрела на меня так, как будто знала, что я вор, и презрительно улыбнулась. Эта насмешка больно ранила меня, и, выйдя на следующей станции, я выбросил из кармана проклятый предмет и больше никогда и ничего в жизни не украл. Я вспомнил этот эпизод, и вдруг меня осенило, что это была одна и та же самая женщина! С тех пор она нисколько не изменилась и не постарела.

На третье утро, посмотрев на себя в зеркало, я вдруг заметил, что стал значительно ниже ростом, чем прежде. В другое время и в других обстоятельствах меня это обеспокоило бы, но теперь я даже был рад каким-то изменениям в царстве неизменного. Значит, какой-то процесс пошёл, и вскоре всё должно измениться. Голод отпустил свою хватку, я ощущал пустоту и лёгкость в теле. С водой я мог протянуть очень долго, главное было не сломаться психологически и выдержать страх перед неизвестностью, одиночество и изоляцию.

Прошло десять дней и ночей. Театр оставался всё так же тих и безлюден, как обратная сторона луны, и я слышал только звуки, издаваемые унитазом и текущей в кране водой. Я стал замечать, что с каждым днём становлюсь всё меньше ростом, не говоря уже о сильной худобе. Настал день, когда я перестал видеть себя в зеркале и уже едва дотягивался до крана с водой. Даже унитаз казался мне теперь высоким и недоступным, я едва залезал на него.

С каждым днём я чувствовал себя всё более маленьким и слабым, и однажды, проснувшись утром, я понял, что не смогу уже спрыгнуть с унитаза: я боялся разбиться или покалечиться о пол при падении. Мне оставалось только сидеть на кромке унитаза и пить из слива, теряя последние силы от голода. Я уже давно ходил голым, так как моя одежда стала мне велика и валялась на полу. Став совсем маленьким, я дрожал мелкой дрожью, и теперь все силы уходили только на то, чтобы не упасть в унитаз или не упасть с края унитаза. В первом случае меня могло просто смыть в канализацию, а во втором я разбился бы об пол или стал бы калекой. Иногда я думал о том, что это, возможно, не я стал маленьким, а весь мир стал таким большим и продолжает расти... Всю правду я мог узнать, только лишь освободившись отсюда.

Наконец, настал день, когда я стал размером с блоху. Унитаз казался теперь огромным, а я уже не мог даже дотянуться до воды. Я совсем ослабел и стал уже думать о том, не броситься ли мне в унитаз и не отправиться ли в канализацию. Раз уж всё равно не было никаких надежд выбраться отсюда, то не лучше ли было покончить со всем разом, чем медленно угасать. Как говорить, если боишься смерти, не лучше ли умереть и больше не бояться...

Совсем потеряв надежду, я было уже встал на край унитаза и решил утопиться, как вдруг в коридоре послышались чьи-то шаги. Я захотел вскочить и закричать, но смог только встать на колени и открыть рот: от слабости голоса уже не

было, и я лишь хватал воздух ртом, как вытщенная из воды рыба. Ключ в замке повернулся несколько раз, и в туалет вошла уборщица, мисс Хэмпсон. Она казалась мне огромной, словно древняя великанша или статуя Свободы, и я махал ей руками, но мисс Хэмпсон не замечала меня. Более того, она чуть не смела меня с унитаза, задев халатом, но в этот момент ко мне вернулись силы, и я уцепился руками за её халат, повиснув на нём, словно детёныш обезьяны на своей матери.

Как только она закончила уборку и вышла в коридор, я потихоньку спустился с её халата и оказался в коридоре театра. Мисс Хэмпсон всюду шуровала шваброй, намывая коридор, и я забился в щель, чтобы она меня ненароком не повредила. Теперь я был такой маленький, что меня мог загрызть даже мышонок! Нужно было двигаться осторожно, потому что любой прохожий мог бы меня раздавить. Честно говоря, я не знал, куда идти. Мир казался таким огромным, и теперь у меня не было ключей ни от автомобиля, ни от квартиры.

Дойдя до гримёрки, я пролез в щель под дверью и оказался в давно знакомом помещении. Правда, с моего нынешнего ракурса он казался совсем другим. Столы, стулья – всё это было теперь недоступно для меня. Холодильник тоже стал чем-то огромным, я не смог бы открыть его дверцу, а есть очень хотелось. Как же я обрадовался, найдя на полу несколько хлебных крошек и пару засохших горошин! Насытившись ими, я вновь обрёл силы и решил идти домой,

зацепившись за брюки какого-нибудь человека.

С большим трудом спустившись по театральной лестнице, я впервые за долгое время вышел на улицу, ослеплённый солнцем и оглушённый уличным шумом. Люди-великаны ходили взад-вперёд по улице, и мне было безумно страшно выйти в этот мир, с которым я потерял связь, став таким маленьким и беспомощным. Увидев афишу с моим образом супергероя возле театра, я лишь горько усмехнулся: теперь я был беспомощен даже перед воробьём. Меня мог раздавить ботинок случайного прохожего или колесо детской коляски, я мог быть смыт в канализационный люк струёю поливочной машины или унесён порывом ветра. Но я должен был идти вперёд, и это требовало от меня большего геройства, чем бросать вызовы бурям и стихиям на сцене.

В этот солнечный день по городу шёл голый известный артист, но никому не было до этого дела: никто не стремился взять автограф, никого не смущала его нагота. Его просто никто не замечал, и всё его внимание уходило на то, чтобы не быть раздавленным прохожими или смытым в канализацию. Чтобы дойти до дома, ему потребовалось целых три дня. Ну а если вернуться к повествованию от первого лица, то я решил продвигаться по городу ночью, а днём отсыпаться в укромных уголках. Я спал под скамейками и кустами, укрывшись упавшим с дерева листиком, поражаясь тому, как мало нужно человеку, если он такой маленький. Я питался возле уличных кафе крошками, упавшими со столов, по утрам пил ро-

су с травы, купался в лужах и чувствовал себя вполне счастливым.

Продвигаясь по городу ранним утром и ночью, я видел новую, настоящую красоту зданий, которую раньше не замечал. Я даже стал различать эпохи и архитектурные стили. Я также изучил ночную жизнь животных, начиная от кошек и собак и заканчивая жизнью всяких букашек, которые все как один интересовались мной. С удивлением я заметил, что все мелкие животные проявляли ко мне скорее интерес, чем агрессию. Ведь они никогда не видели микроскопических голых супергероев, питающихся крошками и в одиночестве бродящим по улице. Подружившись со многими букашками и мелкими животными, я почти добрался до своего дома.

Вот и знакомый двор: теперь он казался мне таким огромным! Я стоял у двери подъезда и думал о том, как смогу взобраться по ступеням. Я понял, что в одиночку это сделать невозможно: ступени стали для меня огромными, как горы. И вдруг я увидел старого знакомого – бездомного кота, которого я когда-то подкармливал. Без его помощи мне было бы не осилить несколько ступенек, ведущих к двери моей квартиры. Я подозвал кота в надежде, что он меня узнает и припомнит. Кот теперь казался мне огромным и сильным зверем, который легко мог бы сожрать меня, но я всё-таки решил рискнуть и подозвал его. Киска всё-таки узнала меня и даже замурлыкала, оставалось объяснить ей, что мне нужно

подняться на этаж. Кот вытянул лапы вперёд и выгнул спину, как будто приглашая меня сесть верхом. Взобравшись верхом на кота, я как будто бы снова почувствовал себя супергероем, сильным и бесстрашным. Как только кто-то из жильцов приоткрыл дверь подъезда, кот юркнул внутрь и понёс меня на себе на третий этаж. Возле своей двери я поблагодарил умное животное, пообещав ему угощение в будущем. Когда он наклонился, я от радости поцеловал его в нос, а после юркнул под дверь, просочившись в дверную щель.

Внутри квартиры было тихо, и она несколько не изменилась за время моего отсутствия. Я сразу же отправился на кухню, чтобы поискать каких-нибудь крошек на полу. Уже светало, и в кухне стоял полумрак. Я поужинал завтраком супергероя, съев несколько крошек, но надо было решить проблему с водой. Страшно хотелось пить, но воды нигде не было. Но зато теперь я был в безопасности и мог не опасаться быть раздавленным людьми или склёванным птицами. За месяц своего отсутствия я очень соскучился по дому. Я думал, что весь месяц меня искали родственники и знакомые: наверное, открывали мою дверь, звонили по телефону.

Телефон, как и ключи, остался в гримёрке, но дома у меня были запасные ключи и другой телефон. Уже подходя к своей спальне, я вдруг услышал чей-то храп. В моей комнате кто-то спал, похрапывая, и я прикидывал, кто же это мог быть. Может быть, кто-то из родственников или друзей, а может быть, квартиру сдали посторонним...

Я не мог разглядеть, кто спит на кровати: было слишком высоко. Оставалось только дожидаться утра и продумать тактику общения с этим человеком. Ведь ему ничего не стоило просто раздавить меня и спустить в унитаз, и никто бы об этом ничего не узнал. Поразмыслив, я решил пока что скрываться и наблюдать, спрятавшись под диваном.

Под утро храп прекратился, и какой-то мужчина спустил с дивана волосатые ноги. Я увидел его со спины, когда он выпрямился во весь рост. Мужчина был молод и подтянут, и я прикидывал в уме, кто это мог бы быть. Когда же он повернулся ко мне лицом, я вдруг с удивлением узнал самого себя, молодого и сильного, до того, как я превратился в козьявку.

Вот это встреча!.. Я ожидал чего угодно, только не этого. Теперь нас было двое: людей с одинаковой внешностью, но разных размеров и с разным жизненным опытом. Тот, что побольше, был мною в прошлом: самодовольным и самонадеянным эгоистом, избалованным успехом и деньгами. Тот, что поменьше, был уже знаком с унитазом и смыл в него свою гордыню супергероя. Как много мне хотелось рассказать моему двойнику о том, что я узнал и понял за последний месяц своей жизни! Но как и с чего начать? Сейчас он уйдёт на работу – спасти мир, который вовсе не нуждается в спасении. Долго ждать было нельзя: я умирал от жажды, поэтому решил: будь что будет! Попытаюсь поговорить с ним прямо сейчас, пока он не ушёл.

Как только мой двойник вошёл в комнату, я ощутил рез-

кий запах перегара. Наверное, предыдущий вечер прошёл бурно, и он вернулся, держа бутылку холодного пива в руках. Как только он сел в кресло, я запел арию из любимой оперы. И хоть голос мой был смешной и тонкий, как у педика, мой «большой брат» всё-таки услышал меня. Сначала он подумал, что я ему померещился, но я заговорил с ним первым.

– Братан, – сказал я, – не смотри на меня как на блоху! Всего месяц назад я был точно такой же, как ты. Но кто-то заколдовал меня, и вот теперь нас двое: я прошлый и я нынешний. Давай дружить! – и с этими словами я протянул гиганту свою крохотную руку.

– Если ты серьёзно, то давай, – ответил мне Большой Эд, поднимая меня двумя пальцами на уровень своих глаз. – Пива хочешь? – спросил он. Я кивнул головой, и Эд стал думать, куда же мне налить. Бережно подняв меня с пола, он поставил меня на стол и капнул рядом немного пива. Я жадно выпил его и попросил ещё.

Как-то незаметно мы, обе половинки одного Эда, подружились, и я рассказал ему всё, что произошло со мной с тех пор, как я был заперт в туалете. Рассказ мой поразил двойника, но его рассказ поразил меня ещё больше. В тот злополучный вечер после спектакля он прошёл в свою гримёрку и увидел там букет чёрных тюльпанов. С этого дня в его жизни появилась странная женщина с надменным взглядом чёрных траурных глаз. Её чары были настолько сильны, что он перестал выходить из дома, занимаясь с ней любовью. Он не хо-

дил даже на работу в театр, словно провалившись в какую-то чёрную дыру. Но вчера наваждение словно упало с его глаз, и я прогнал это исчадие ада прочь.

– Иными словами, она тебя поимела? – спросил я, а Эд кивнул в ответ. – Как и меня, – продолжил я, – только по-другому. Ещё три дня назад я был готов броситься в унитаз и покончить с собой! Она меня почти сломала! А сегодня я сижу на твоём столе и мы вместе пьём пиво! Как же это здорово, братан!

Мы рассмеялись и выпили за знакомство, с этой минуты став лучшими друзьями. Дальше были пьяные беседы о том, что значит быть настоящим героем.

– Понимаешь, – говорил я своему двойнику, – Наполеону тоже казалось, что он настоящий герой. Но Кутузов сразу раскусил его, поняв, что гордецу ни в коем случае нельзя давать шанса для сражения, и стал просто отступать внутрь страны. Через несколько месяцев в разорённой Москве спесь с гордеца была сбита, и ему оставалось только отступать, спасая свою жизнь. Ты знаешь, пока я был заперт в туалете, я часто думал, что похож на Наполеона, запертого в Москве. Каким он был огромным в начале и каким маленьким стал в конце! Мне удалось всё же сбежать из туалета, ну а Наполеона просто смыли в унитаз!

Честно говоря, я сам плохо понимал свой пьяный бред, произносимый тоненьким смешным голоском букашки. Но Большой Эд меня, кажется, понимал. Кто-то могуществен-

ный и чёрный бросил вызов нам, самоуверенным гордцам, и показал, какие мы на самом деле мелкие букашки. Даже если бы сейчас я стал большим и сильным, как прежде, я бы уже не стал так наивно доказывать всем со сцены, что я супергерой, способный победить зло и спасти мир. Если честно, то теперь мне не было никакого дела до целого мира: надо было спасать самого себя и бороться со внутренними, а не с внешними демонами.

Проговорив с Большим Эдом целый день, под вечер мы решили уехать вдвоём куда-нибудь подальше, туда, где нас никто не знает и где мы сможем заняться собой, а не спасением грёбаного мира. Сказано – сделано. Под вечер Большой Эд собрал чемодан, сунул меня в карман, и мы сели в машину, решив направиться к океану. В окно автомобиля врывается воздух свободы, мы мчались по ночному шоссе навстречу приключениям, стараясь развеяться и позабыть о том странном месяце, который я провёл в туалете, а мой двойник – в объятиях странной и демонической Чёрной леди. Мы хотели развлечься и освободиться, быть может, от колдовских чар, которыми она нас опутала.

Началось, казалось бы, счастливое и беззаботное время для нас обоих: переезды с места на место, остановки в мотелях, купания в ночном океане. Подсознательно мы хотели оторваться от Чёрной ведьмы, но однажды ночью, когда я сидел в номере один, а мой двойник развлекался в ночном баре, дверь отворилась и в комнату вошла она, та самая Чёрная

леди! Я в это время сидел на столе, попивая вино из небольшого напёрстка, и едва не подавился, увидев её.

Мерзавка подошла к столу, как и прежде, надменно улыбаясь. Налив себе вина из бокала, она спросила меня, как мне понравилось время, проведённое на унитазе. Я сказал, что это было лучшее время в моей жизни, потому что там я реально смыл в унитаз свою гордыню и желание спасти мир, не нуждающийся в моей помощи.

– Умный мальчик, – сказала Чёрная леди, погладив меня пальцем по голове. – Унитаз вообще самый лучший учитель и врач от всех амбиций! Но что толку в твоём понимании, – сказала ведьма, закуривая сигарету, – если ты навсегда, до самой смерти останешься маленьким!

– Да мне пофиг, – ответил я. – Маленькому не много нужно: несколько крошек со стола и напёрсток пива. Не нужно работать, можно быть свободным, как ветер! Пусть я мал и мой голос пискляв, но мыслю я не хуже, чем большой! Даже намного лучше, потому что начинаешь ценить настоящие вещи и игнорировать ложные!

Я был настолько пьян, что не испугался Чёрной леди и даже стал с ней флиртовать.

– А как же женщины? – спросила меня Чёрная леди, усмехнувшись. Не успел я придумать ответ, как она бережно взяла меня двумя пальцами и усадила на свой пышный бюст, пахнувший негой и дорогими духами.

– Раздевайся! – сказала она и засмеялась, показывая зубы,

белые снаружи и чёрные изнутри. Чувствуя к ней отвращение, я укусил её за грудь, а она разозлилась и бросила меня в бокал с красным вином. Теперь я барахтался в красной жиже и видел её расплывчато, через стекло мутное бокала.

– Послушай меня, детка! – сказала она, приблизив перекошенное злостью лицо к стеклу. – Если ты сделаешь то, что я тебе скажу, я снова сделаю тебя большим. А если не сделаешь, я тебя уничтожу!

– Что же я должен сделать? – спросил я, барахтаясь в вине и одновременно отпивая по глоточку. Леди достала откуда-то небольшой чёрный кристалл и, указав на него, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.